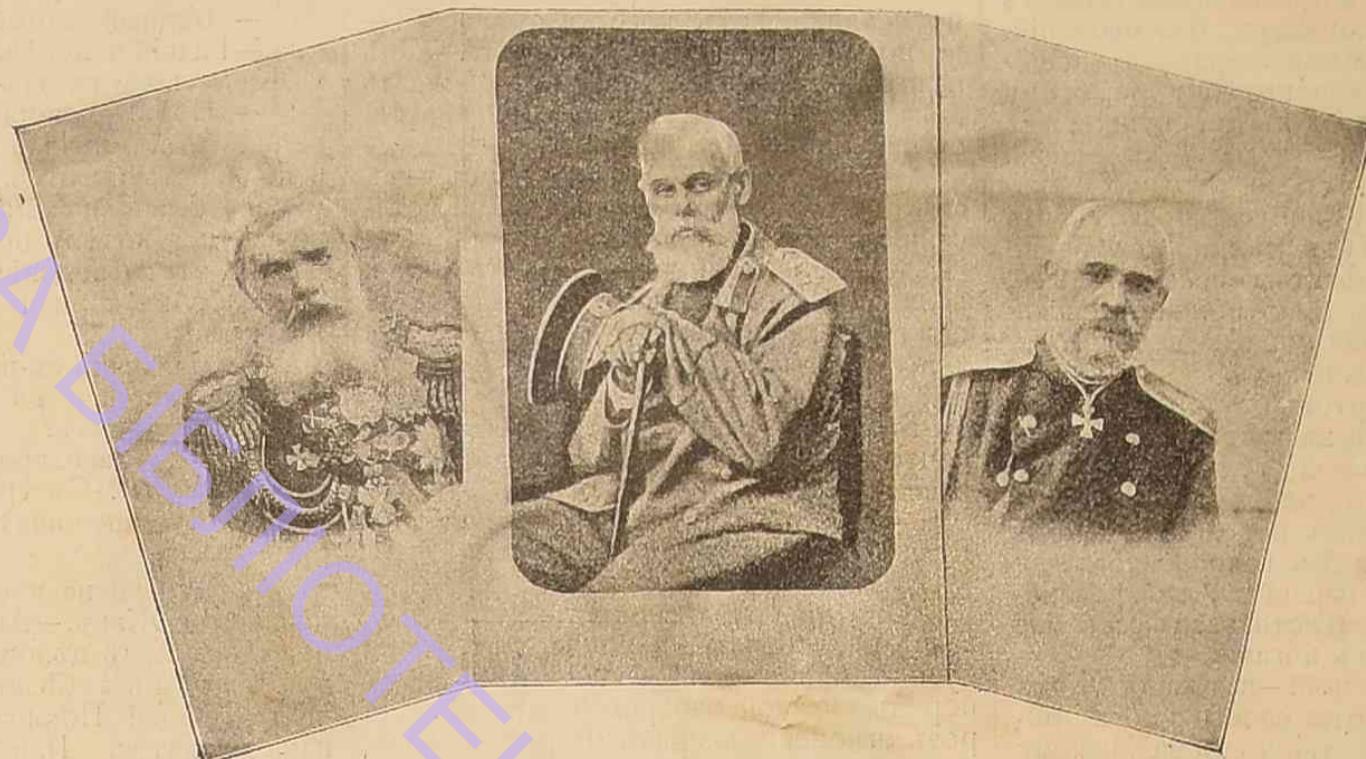

ВТОРОЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4507.

Воскресенье, 10го Января, 1899 г.

№ 4507.

Генер.-адъют.
графъ Т. Л. Гейденъ.

Генер. фельдмаршаль
графъ Д. А. Милутинъ.

Генер.-адъют.
Н. Н. Обручевъ.

† Врачъ Дельнесъ. Владиславскій Шадалка. † Яницковскій. Врачъ Кикоданъ.
Э. Либикъ. † Янопуло. † Новосельскій. Флаг. адъют. Мартыновъ.
Первое городское по воинской повинности присутствіе въ Одессѣ.

† Гирсъ.

По поводу 25-лѣтія всеобщей воинской повинности.

Подарокъ врага.

Рождественскій рассказ
Денглі (А. Томсона).

Былъ рождественский сочельникъ, — тотъ вечеръ, когда на земль бываетъ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе. Отрядъ национальной гвардіи, въ шинеляхъ, карабкался по крутымъ лѣстистымъ обрывамъ, поднимаясь къ деревушкѣ, гдѣ хорошеніе бѣлыя и голубые домики были разбросаны среди большихъ огородовъ, уже окутанныхъ мракомъ. Въ этотъ вечеръ тутъ можно было — не правда ли? — встрѣтить веселье, смѣхъ, яркіе огни? Вѣдь былъ рождественский сочельникъ — времена мира на земль и благоволеніе въ человѣкахъ.

Съ линіи портовъ, баттарей и редутовъ, освѣщенныя заревомъ огней, доносились страшный гулъ и трескъ. Рождество Христа встрѣчалось здѣсь, среди христіанскихъ народовъ, громомъ безпощадной пальбы, какой никогда не слышалъ міръ. Гвардейцы, взбиравшіеся по крутизнѣ, чувствовали какъ земля дрожитъ подъ ихъ ногами.

— Боже Ты мой! — вздыхалъ Жакъ, Гривень, съ высоты своего роста обращаясь за сочувствіемъ къ маленькому сосѣду, капралу Анри Ферду. — А въ прошлый сочельникъ я ъѣль гуся... Проклятые пруссаки!

Капралъ Ферду дѣлаетъ видъ, что не слышитъ, и шагаетъ въ гору.

— И еще подъ соусомъ, — разсуждаетъ Жакъ. — Чортъ побери, люблю соусы! А огонь на очагѣ! Божественно! Право, точно въ аду: такая жара!.. Послушай, ты развѣ забылъ, что нынче рождественский сочельникъ?

— Не забылъ, — отвѣчаетъ неохотно капралъ.

— Чего же ты молчишь? Человѣкъ еле ворочаетъ языкомъ, когда рѣчь идетъ о Рождествѣ и о жирномъ рождественскомъ гусѣ подъ соусомъ! Такіе люди опасны для общественного спокойствія!.. О, канали! — продолжаетъ Жакъ по адресу просвѣтѣвшей мимо нихъ бомбы. — Они не сблюдаются даже простой вѣжливости христіанского народа! Пусть-ка мой штыкъ наткнется на этихъ мерзавцевъ! У дьявола на балу станетъ тѣсно. А пока, Анри, начинь христіанскій долгъ — помнить про сочельникъ. Послушай: ты ъѣдалъ хорошаго гуся? Жирнаго, знаешь-ли? Подъ соусомъ?

— Сколько разъ, — вздыхаетъ маленький капралъ.

— Ишь ты! Кто бы могъ подумать! „Сколько разъ!“ А самъ молчить. Ну, если ужъ намъ не придется спрятываться съ чѣмъ-нибудь, разскажи, по крайней мѣрѣ, про тѣхъ гусей. Разскажывай, братъ, по порядку. Да не забудь про соусы.

— Оставь меня, Жакъ. Мнѣ не до шутокъ.

— Давно замѣтилъ, дружище, и жалю. Это, не въ обиду будь сказано, большой изъянъ въ тебѣ. Человѣкъ,

который не любить разскѣвать про рождественскаго гуся подъ соусомъ, легко можетъ быть заподозрѣнъ въ атеизмѣ. Еще если-бы я говорилъ про кошекъ или крысъ, которыхъ ни подъ какимъ соусомъ не сѣешь! Чортъ побери, гуси!, Ну, скажи, что бы ты сейчасъ сѣѣлъ?

— Вотъ этихъ проклятыхъ бестій пруссаковъ, вотъ кого я сѣѣлъ бы! — не выдержалъ маленький капралъ. — Мнѣ надоѣло лежать въ траншеяхъ и ждать пока меня подстрѣлять. Я хочу напиться изъ ихъ крови!

— Странный у тебя вкусъ! — засмѣялся Жакъ. — По мнѣ, лучше бы стаканчикъ абсента.

— Какъ ты можешь шутить такими вещами! Не слышала развѣ, какъ они сажаются на штыки младенцевъ? Какъ душатъ дѣтей? А женщины?

— Мальчикъ-стъ-пальчикъ! — смеется Жанета, хлопая въ ладони. — Ты отдалъ его дѣвочкѣ?

— Да, благодаря Бога! — говоритъ матеръ Жанеты. Съ трудомъ сдерживая слезы, она наклоняется и цѣляетъ старого Жака.

— Да, ты всегда ихъ защищаешь! Еслибы я не зналъ тебя такъ...

Трахъ

Онъ не успѣлъ кончить. Ружейный залпъ остановилъ ошеломленныхъ французовъ. Они стояли лицомъ къ лицу передъ сильной баварской засадой. Чѣрезъ мгновеніе капралъ Ферду лежалъ безъ чувствъ и истекая кровью, у края пруда.

— Впередъ, молодцы! — вскричалъ лейтенантъ. Французская колонна ринулась на врага. Въ продолженіе четверти часа среди этихъ христіанскихъ воиновъ разыгралась такая дикая оргія рѣзни, что лукавымъ духамъ ада осталось только щелкать зубами изъ за вѣсти. Они бились въ тѣмнотѣ почі, душили другъ друга, рѣзали, кололи, рвали штыками, не выпуская врага даже тогда, когда скатывались въ предсмѣртной агоніи въ окровавленную воды пруда.

Когда Жаку Гривень случалось разскѣвать объ этой рѣзни, онъ всегда утверждалъ, что она продолжалась не болѣе минуты. Но въ этомъ онъ ошибался.

— Да, Жанета, вообрази: пруссакъ спасъ жизнь твоего... моего человѣчка. Холодно было ночью, Господи Ты Боже мой, какъ холодно! Тысячи французовъ замерзли въ тѣтъ страшнаго сочельника. А мой человѣчекъ такъ застылъ, что я уже боялся — оттаетъ ли онъ?.. Я отнесъ его въ ближнюю церковь въ Бонни, думалъ достать тамъ немножко водки.

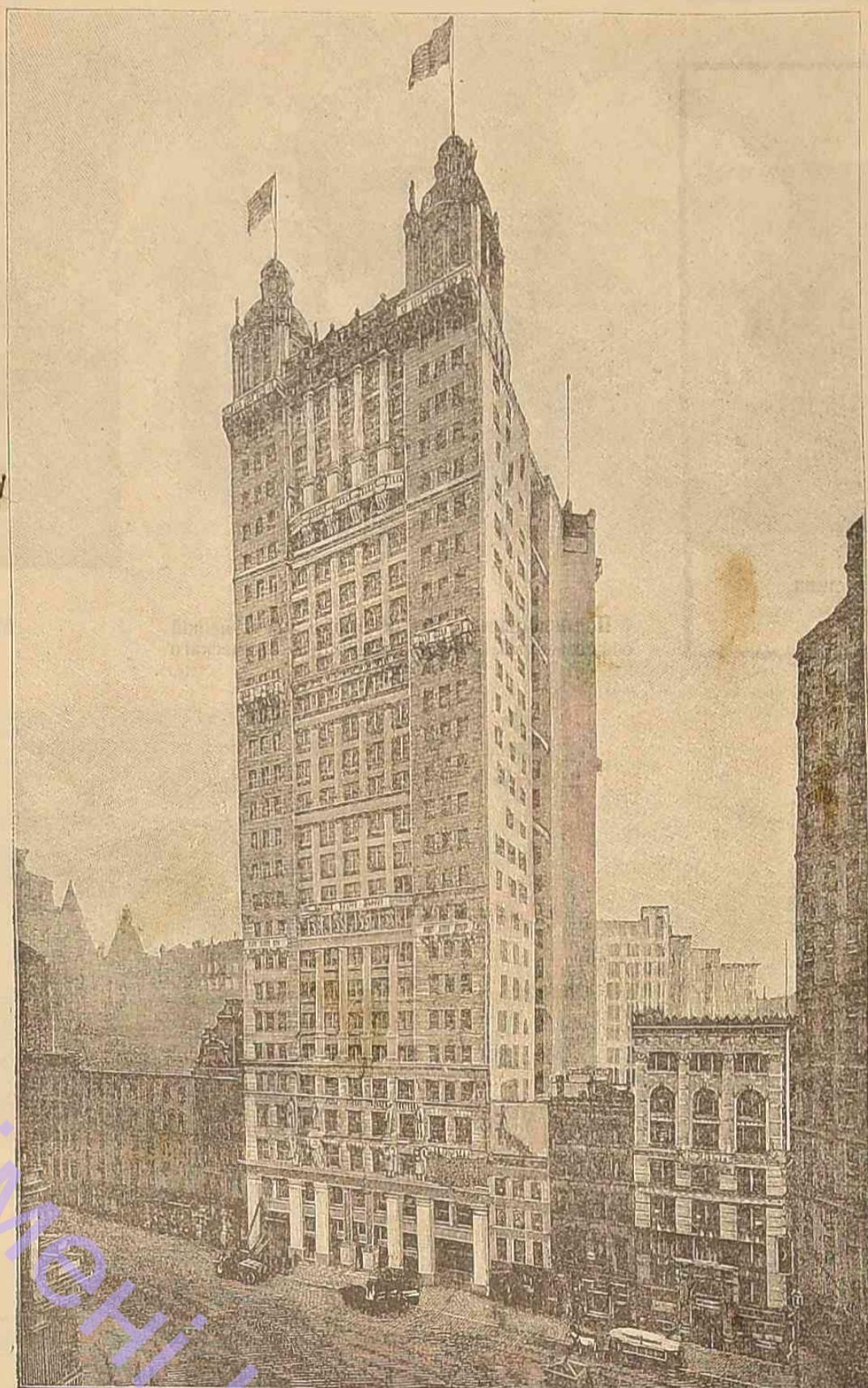
— Ахъ, какъ смѣшино! церковь, гдѣ продаютъ водку! — смеется Жанета.

— Вотъ и не дали мнѣ водки! — подолжаетъ Жакъ. — Бѣда! А человѣчку нуженъ былъ хоть одинъ глотокъ вина, а то онъ не проснулся бы никогда. Тогда старый Жакъ положилъ его на паперти, а самъ вошелъ въ церковь, гдѣ лежали люди, которые были ранены въ сраженіи. У этихъ людей онъ просилъ водки. Онъ слышалъ крики, стоны, проклятия, но не досталь и капельки коньяку... Тогда вошелъ въ церковь одинъ человѣкъ — онъ называлъ себя французомъ, — прости, Господи! Онъ предложилъ достать водки за деньги. Я сказалъ ему, что у меня нѣть денегъ. Я умолялъ его на колѣняхъ, чтобы онъ далъ мнѣ каплю вина для моего человѣчка, у которого дома была жена и маленькая дочка. Разбойникъ размѣялся мнѣ въ лицѣ! Я сталъ грозить ему; тогда онъ выбѣжалъ изъ церкви, крикнувъ, что позоветъ пруссаковъ, чтобы они-меня закололи.

— Да! — засмѣялась Жанета. — Онъ спалъ?

— Онъ никогда не проснулся бы, — отвѣчалъ отецъ Жанеты дрогнувшимъ голосомъ, — еслибы старый Жакъ не подобралъ его и не унесъ оттуда.

Мать Жанеты, взволнованная

27-ми этажное зданіе въ Нью-Йоркѣ.

— Нѣть, душенька, пруссаки были добреѣ его.

— Такъ вотъ, — продолжаетъ Жакъ, вернулся я къ своему человѣчку, залѣваясь отъ гнѣва. Я громко призывалъ Бога и его святыхъ въ свидѣтели такой жестокости. Я кричалъ, что другие люди въ этотъ день получаютъ подарки, а мнѣ нельзѧ будетъ принести живого человѣчка моей маленькой дѣвочки!

— Въ то время, когда я такъ кричалъ, кто-то дернулъ меня за шинель. Я обернулся и вдругъ увидѣлъ, что рядомъ съ моимъ умирающимъ человѣчкомъ лежитъ пруссакъ. Въ своей ярости я подумалъ, что онъ собирается убить насъ, и схватилъ ружье, которое валялось у меня подъ ногами. Прости меня, Господи! я хотѣлъ убить его. Въ эту минуту, къ счастью, показался мнѣ

ное лицо умирающаго было мнѣ знакомо! Это былъ человѣкъ, съ которымъ я жилъ, когда работалъ въ Баваріи, въ шестидесятъ седьмомъ году. Добрый, кроткій человѣкъ, который много говорилъ мнѣ о братствѣ народовъ, — ну все равно, ты этого не поймешь теперь, дѣвочка. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и вдругъ замѣтилъ, что онъ протягиваетъ мнѣ что-то. Въ его рукахъ была маленькая фляжка. Онъ слабымъ жестомъ указалъ на моего человѣчка, лежавшаго въ безпамятствѣ. Его посинѣвшія губы зашевелились. Я склонился къ нему, онъ прошепталъ:

— Спасите его, ради его жены и ребенка!

— А вы, Лендорфъ! — вскричалъ я. — скажите ради Бога, чѣмъ я могу помочь вамъ?

— Не надо, — съ усилиемъ прошепталъ онъ. — Скажите моей женѣ, моему ребенку въ Розентѣль... Возьмите, — медленно проговорилъ онъ, между тѣмъ какъ глаза его сокнулись, — рождественскій подарокъ для французского ребенка... — И онъ выронилъ фляжку изъ рукъ.

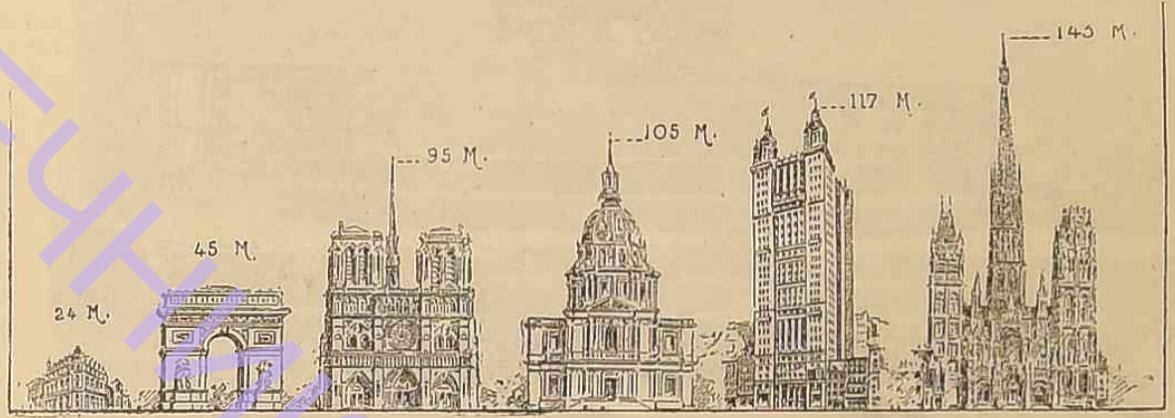
Черезъ минуту онъ умеръ съ улыбкою на устахъ.

Замокъ проклятыхъ.

Святочная сказка
Сары Бернаръ.

Замокъ Плернефъ возбуждалъ ужасъ всей Бретани. Крестьяне осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, когда проходили мимо, и шептали: „Это замокъ проклятыхъ!“ Ежевичные кусты поросли по большой вѣшней стѣнѣ, и никто не осмѣливался черезъ нее перешагнуть. Слуги сталкивались другъ съ другомъ и ходили, какъ тѣни, никогда не издавая ни единаго звука. Никто никогда не разговаривалъ съ владѣльцемъ замка. Нѣкоторымъ расположениемъ пользовался у него, носившимъ имя герцога Керберсофа, только графъ Робертъ, его племянникъ.

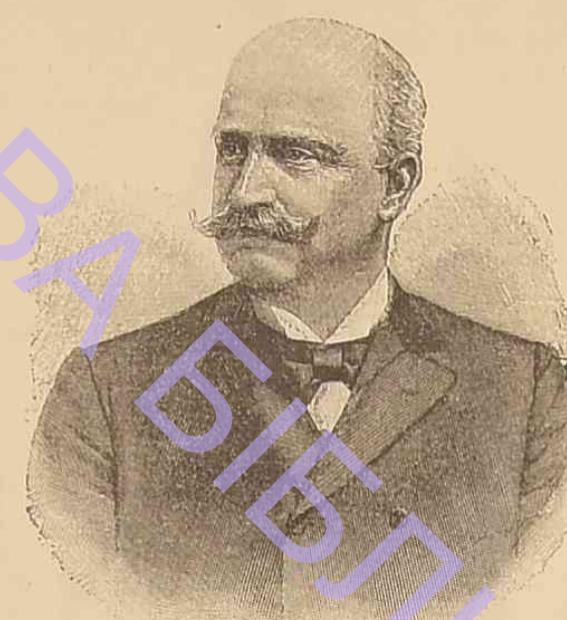
Въ моментъ начала нашего разскѣза Робертъ сидѣлъ у ногъ старики. Послѣдній помѣшился въ большомъ герцогскомъ креслѣ; его глаза свѣтились, а на блѣдномъ лицѣ лежало выраженіе

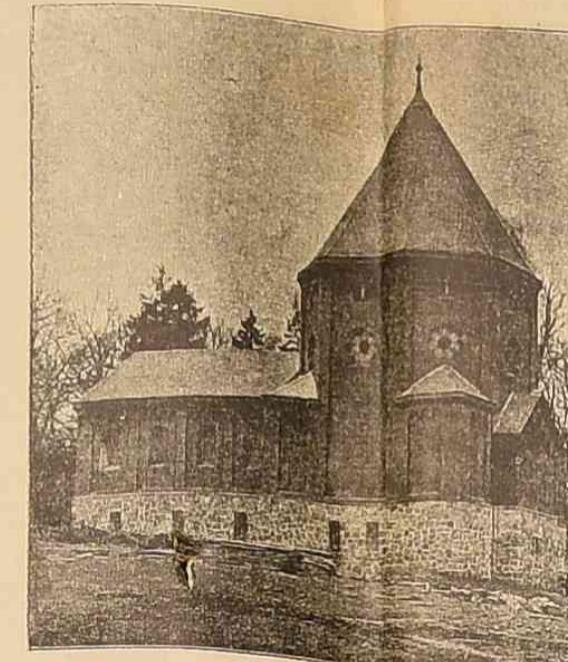
Сравнительная высота самыхъ высокихъ сооружений въ мірѣ.

Недавно открытая монета съ изображеніемъ лика Иисуса Христа.

† Подполковникъ Эгиди, известный немецкий общественный деятель, основатель этического общества.

Мавзолей кн. Бисмарка.

Кене-де-Боропэръ, бывшій предсѣдатель гражданской палаты кассаціоннаго суда, создавшій инцидентъ Бардъ-Пикаръ.

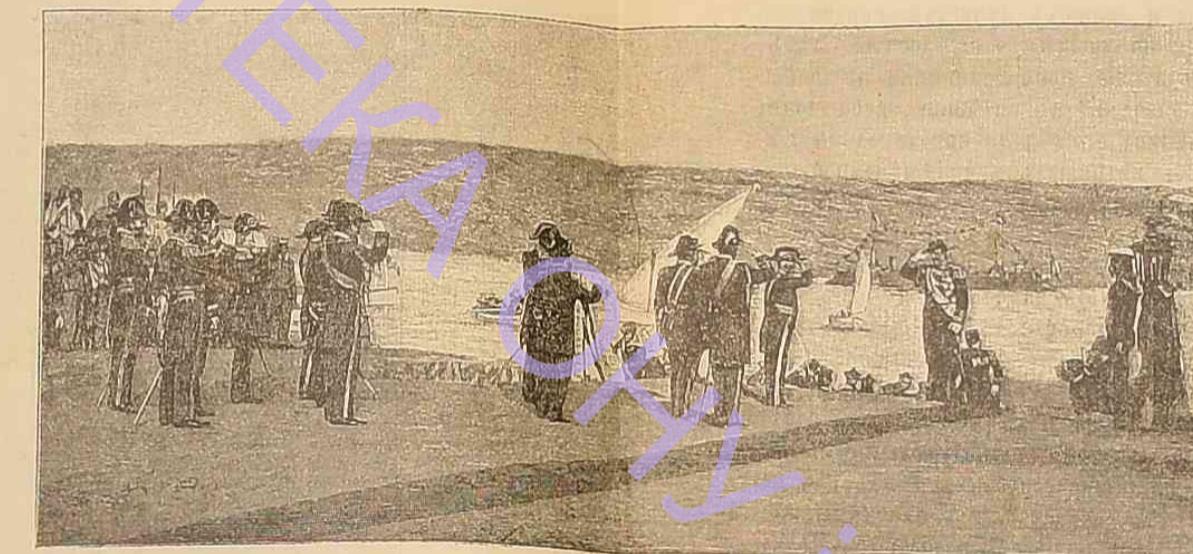
Иванъ Александровичъ Спиридоновъ.
управляющій акцизными сборами Херс. губ.
† 5-го января 1899 г.

Николай Петровичъ Роцинъ-Инзаровъ,
известный артистъ, убитый 8 янв. 1899 г.

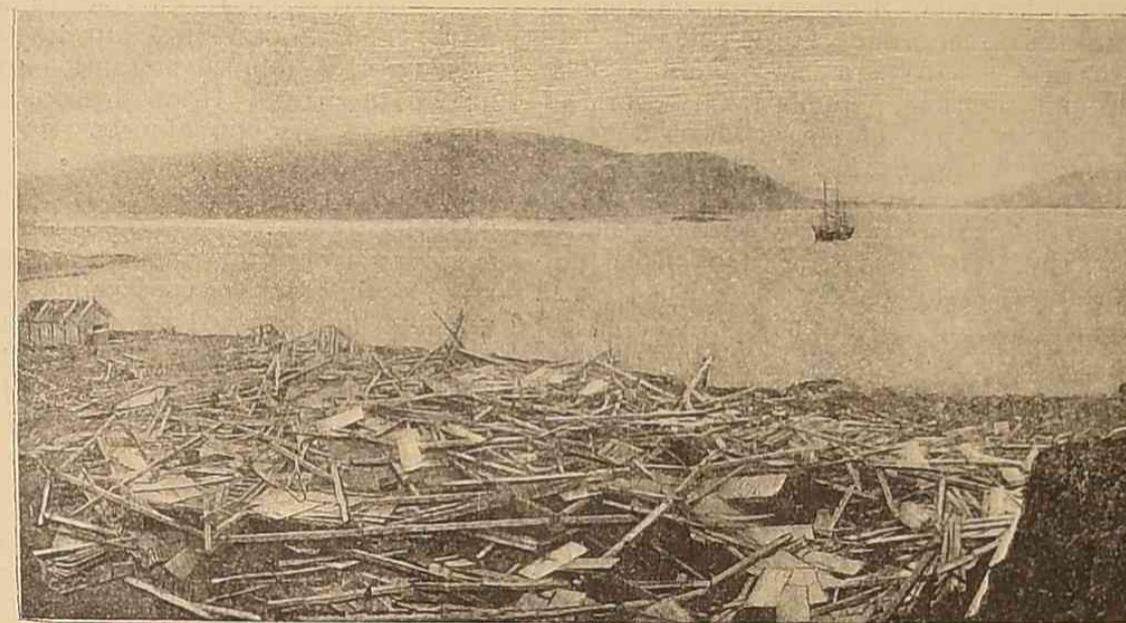
Памятникъ императору Францу-Йосифу въ Ольмюцѣ.

Привѣтствие королевича адмиралами 4 хъ европейскихъ державъ

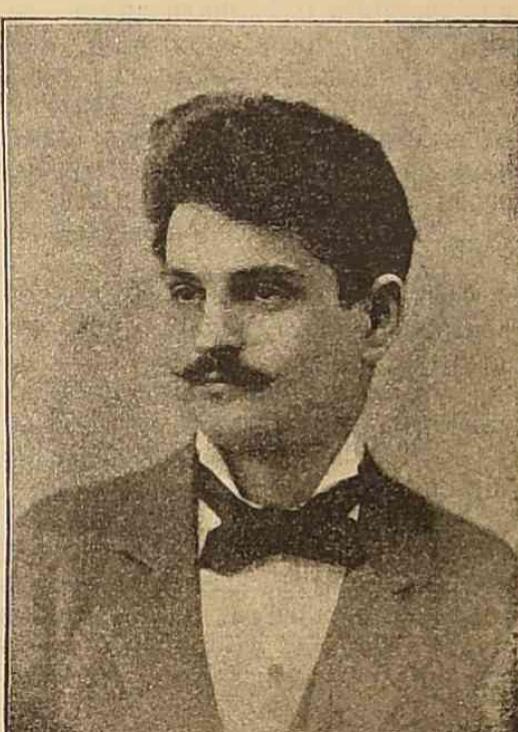
Видъ улицы въ Канѣ въ день вѣзда королевича.
Прибытіе королевича Георгія на о. Критъ.

Предполагаемые обломки шара Адрэ, найденные на о. Дэйнсъ.

Паула Шалитъ, 12-ти лѣтняя пианистка.

Е. И. Колибалотскій, виолончелистъ.
(По поводу предстоящ. 14 января концерта.)

ужаса. Онъ слушалъ Роберта и всякий принялъ бы старика за видѣніе.

Герцогъ былъ блѣднѣе обыкновенаго; бѣлые его волосы прилипали на вискахъ и крупные слезы капали на его серебристые усы изъ полныхъ безумія глазъ.

— Дорогой мой повелитель! чувствуете ли вы себя сегодня хуже? — спросилъ Робертъ.

Герцогъ задрожалъ. Онъ все къ чему-то прислушивался. Это была ночь передъ Рождествомъ.

Подобно привидѣнію поднялся вдругъ герцогъ.

— Слушай, Робертъ, слушай!.. Двадцать лѣтъ тому назадъ, ты знаешь, у меня былъ сынъ. Онъ былъ красивъ и храбръ и великолѣпенъ. Онъ любилъ молодую дѣвушку крестьянку и хотѣлъ на ней жениться. Я этому воспротивился — вѣдь немогъ же я согласиться на такой позоръ. Мой сынъ умолялъ, но я былъ непреклоненъ, не могъ я гербъ своей замарать позоромъ! Я былъ неправъ, дитя мое, я былъ неправъ! Не будь высокомѣръ — вѣдь это смертный грѣхъ...

Дѣвушка была и прекрасна, и добродѣтельна. Я предлагалъ ей деньги, она ихъ отвергла. Тогда — вѣдь ее схватить и засадить въ башнѣ замка. Прошли недѣли, мѣсяцы, и сынъ по прежнему былъ вѣренью своей клятвѣ, а я своей гордости. Тогда рѣшился я убить крестьянку и тайно приказалъ ей уговорить, чтобы готовилась она къ бѣгству. Шелковая лѣстница была приѣзжана къ окну башни, и самая точная указанія были ей даны, какъ выбираться изъ окна и куда бѣжать. Она готовилась къ бѣгству, а я тѣмъ временемъ задумала гибнущую ловушку. Слушай, Робертъ, слушай. Я вѣдь расшатать камни въ окнѣ башни, такъ что какъ только дѣвушка повисла-бы на шелковой лѣстницѣ, камни должны были обрушиться. Вмѣстѣ съ ними полетѣла-бы и бѣгунка и разбилась бы о мраморный плиты двора. Это былъ рожденіенскій сочельникъ. Въ ночь этого злого дѣла я заснула въ страхѣ предъ Господомъ Богомъ и былъ востанъ перенесенъ въ громадную галлерей изъ тучъ. Тысячи сводовъ сльдовали другъ за другомъ и подъ ними медленно качались золотые лампады. Годовъ-бы не хватило, чтобы ихъ сосчитать. Однѣ внезапно зажигались, другія гасли; однѣ свѣтились яркимъ блескомъ, другія чуть мигали и чадили прежде, чѣмъ потухнуть. И сторожиль прикажалъ лампадѣ ангель.

При однѣхъ лампадахъ красотой и бѣлизною ангель сияли; при другихъ они были черны, противно и злобно ожидали, когда настанетъ моментъ зажечь огонь лампады.

— Что все это значитъ? — спросилъ я проводника.

— Все это души человѣческія. Тѣ, что блестятъ такъ ярко — души дѣтей новорожденныхъ. Ихъ охраняютъ неизвестные ангель. Здѣсь души людей болѣе зрѣлыхъ; за нихъ борются постоянно добрый и злой духъ. Наконецъ

эти тухнущія лампады — умирающіе на землѣ, — сказалъ мнѣ проводникъ и при этомъ показалъ на цѣлый рядъ свѣтильниковъ, готовыхъ погаснуть: — посмотрите въ часъ смерти послѣдній вздохъ всегда обращается къ добромъ духу.

Тогда мнѣ вздумалось посмотретьъ и на свою собственную лампаду.

— Идемъ, — сказалъ онъ мнѣ и повѣль черезъ тысячи сводовъ, наконецъ остановился: — вотъ твоя душа!

Когда старый герцогъ поднялъ свой взглядъ къ золотой лампадѣ, онъ увидѣлъ около неї ангела съ бѣлосѣжными крыльями, который охранялъ блестящими крыльями, чтобы поскорѣе потушить въ ней огонь.

— Я перепугался, о какъ я перепугался! — продолжалъ герцогъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Слушай, Робертъ, слушай! Рядомъ со мной сверкало чистѣйшимъ блескомъ пламя и ангелъ махалъ пальмой крыльями, чтобы поскорѣе потушить въ ней огонь.

Герцогъ Керберсоффъ былъ мертвъ.

рикъ герцогъ бросился предъ нимъ на колѣни.

— Человѣкъ! — раздался голосъ священника: — Христосъ родился, пострадалъ и умеръ, чтобы искупить грѣхи людскіе. Ты согрѣшилъ, страдалъ, раскаялся, и Богъ тебя проститъ. Пусть духъ твой съ миромъ въ вѣчность отойдетъ.

Когда старый герцогъ поднялъ свой взглядъ къ золотой лампадѣ, онъ увидѣлъ около неї ангела съ бѣлосѣжными крыльями, который охранялъ блестящими крыльями, чтобы поскорѣе потушить въ ней огонь.

— Я перепугался, о какъ я перепугался! — продолжалъ герцогъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Слушай, Робертъ, слушай! Рядомъ со мной сверкало чистѣйшимъ блескомъ пламя и ангелъ махалъ пальмой крыльями, чтобы поскорѣе потушить въ ней огонь.

Герцогъ Керберсоффъ былъ мертвъ.

МУЖЪ).

Нѣкогда кавалерійскій полкъ, маинвріулъ, остановился на почевку въ уѣздномъ городѣ Б.

Такое событие, какъ почевка гг. офицеровъ, вѣдь существуетъ всегда на обычай самимъ возбуждающимъ и вдохновляющимъ образомъ. Танцовщики, мечтающіе о событіи лѣтніхъ, заряженіемъ колбасы и «самыхъ лучшихъ» сарацинокъ, которые лежали на полѣ уже десять лѣтъ, и кровью очи налились, и волосы отъ ужаса зашевелились, и зубы щелкали. Но все-же продолжалъ старикъ:

— Я подошелъ къ блестящей лампадѣ, но бѣлосѣжный ангель меня оттолкнулъ, а черный все мнѣ злыя мысли на ухо шепталъ. Неро я вырвалъ изъ его крыла, быстро сунулъ въ полную масла лампаду и влилъ масло всѣдѣль въ свою лампаду. Въ моей лампадѣ пламя загорѣлось цѣломъ крови, а въ другой — оно лишилось цѣвѣта, — тамъ оставалась только капля масла. Я и за ней погнался. Бѣлосѣжный ангель крылья расстоптерѣлъ, чтобы не допустить меня, но ангель съ крыльями цѣвѣта перламутра и съ золотымъ мечомъ сказалъ:

— Полкъ! — говорилъ онъ радостно. — Полкъ идетъ!

Къ скій дамы, заслышивъ приближеніе полка, бросили горячіе тазы съ вареньемъ и выбѣжали на улицу. Забыла про свое дезабилье и растраинала лицо, то ли терпѣть не могъ духомъ музыки; въ-третьихъ, ему казалось, что гг. офицеры синікомъ небрежно и свысока обращаются со штатскими, а самое главное, въ-четвертыхъ, его возмущало и приводило въ негодование выражение блаженства на жениномъ лицѣ...

— Глядѣть противно! — бормоталъ онъ.

Скорѣ ужъ сорокъ лѣтъ, ни кошки, ни рожи, а тоже, поди ты, напудрилась, завиась, корсетъ надѣла! Бокетничаетъ, леманинчаетъ и воображаетъ что у неї хорошо выходитъ. Ахъ, скажите, какъ вы прекрасны!

Анна Павловна такъ ушла въ танцы, что ни разу не глянула на своего мужа.

— Конечно, гдѣ намъ, мужикамъ! — злорадствовалъ акціоній. — Теперь мы за штатомъ... Мы тюлены, уѣздные медведи! А она царица база: она вѣдь настолько еще сохранилась, что даже офицеръ ею интересоваться можетъ... Пожалуй, и влюбиться не прочь...

Во время мазурки лицо акціонія перекосило отъ злости. Съ Анной Павловной танцевалъ мазурку черный офицеръ съ выпущенными гла-зами. Онъ работалъ ногами сердито и съ чувствомъ, дѣлая строгое лицо, и такъ вынѣртывалъ колѣни, что походилъ на игрушечного панца, котораго дергаютъ за ниточку. А Анна Павловна, бѣдная, трепещущая, согнувшись томно стащъ и закатывая глаза, старалась сдѣлать видъ, что она едва касается земли, и, покинувши, ей самой казалось, что она не на землѣ, не въ уѣздномъ клубѣ, а где-то далеко-далеко — на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство...

Акціонію стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жить вовсе не такъ прекрасно, какъ ей теперь кажется въ упоеніи.

— Погоди, я покажу тебѣ, какъ блаженство улыбаться — бормоталъ онъ. — Ты не институтка, не дѣвочка. Старая рожа должна понимать, что она рожа.

Мелкія чувства зависти, досады, оскорблений

отошедшіе на самый задний планъ, толпились въ передней около тѣщаго буфета. Всѣ эти назначены, секретари и надзиратели, испытые, геморроидальные и мѣнконатые, отично созидали свою убогость и не входили въ залу, а только издали поглядывали, какъ чѣмъ жены и дочери танцевали съ ловкими и стройными поручиками.

Между музыками находился акціоній Киприлъ Петровичъ Шаликовъ, существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженою головой и съ жирными отвислыми губами. Когда-то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева въ Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говорилъ про себя, что онъ коллежскій ассессоръ и больше ничего. Чѣмъ стоялъ прислонившись къ носку и не отрывалъ глазъ отъ своей жены. Его жена, Анна Павловна, маленькая брюнетка лѣтъ тридцати, длинноносая, съ острымъ подбородкомъ, нацупридана и затинутая, танцевала безъ пересыпки, до упада. Танцы утомили ее, но изненога она тѣломъ, а не душой... Вся ея фигура выражала восторгъ и наслажденіе. Грудь ея вспоминалась, на щекахъ играли красные пятнышки, весь движенье были томны, плавны; видно было, что, танцуя, она испоминала свое прошлое, то давнее прошлое, когда она танцевала въ институтѣ и мечтала о роскошной, веселой жизни, и когда она была уѣбрана, что у неї будетъ мужъ непремѣнно графъ или князь.

Акціоній глядѣть на нее и морщился отъ злости... Ревности онъ не чувствовалъ, но ему непріятно было, во первыхъ, что, благодаря танцамъ, негдѣ было играть въ карты; во-вторыхъ, она терпѣть не могъ духомъ музыки; въ-третьихъ, ему казалось, что гг. офицеры синікомъ небрежно и свысока обращаются со штатскими, а самое главное, въ-четвертыхъ, его возмущало и приводило въ негодование выражение блаженства на жениномъ лицѣ...

— Глядѣть противно! — бормоталъ онъ.

Скорѣ ужъ сорокъ лѣтъ, ни кошки, ни рожи, а тоже, поди ты, напудрилась, завиась, корсетъ надѣла! Бокетничаетъ, леманинчаетъ и воображаетъ что у неї хорошо выходитъ. Ахъ, скажите, какъ вы прекрасны!

Анна Павловна такъ ушла въ танцы, что ни разу не глянула на своего мужа.

— Конечно, гдѣ намъ, мужикамъ! — злорадствовалъ акціоній. — Теперь мы за штатомъ... Мы тюлены, уѣздные медведи! А она царица база: она вѣдь настолько еще сохранилась, что даже офицеръ ею интересоваться можетъ... Пожалуй, и влюбиться не прочь...

— Зачѣмъ я тебѣ сейчасъ понадобилась? — спросила жена.

— Ты не нужна мнѣ, но я желаю, чтобы ты сидѣла дома. Желаю, — вѣтъ и все.

Анна Павловна не хотѣла и слушать, потому что начала умолять, чтобы мужъ позвольилъ ей остататься хоть полчаса; потому, сама не зналъ зачѣмъ, извинилась, каялась — и все это шепотомъ, съ улыбкой, чтобы публика не подумала что у неї съ мужемъ недоразумѣніе. Она стала вѣтъ, что останется еще недолго, только дѣлать минуту, только пить минуту; но акціоній упрямо стоялъ на своемъ.

— Какъ хочешь, — оставайся! Только я скажу сдѣлаю.

И разговаривая теперь съ мужемъ, Анна Павловна осунулась, похудѣла и постарѣла. Бѣдная, трепещущая, согнувшись томно стащъ и закатывая глаза, старалась сдѣлать видъ, что она едва касается земли, и, покинувши, ей самой казалось, что она не на землѣ, не въ уѣздномъ клубѣ, а где-то далеко-далеко — на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство...

Акціонію стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жить вовсе не такъ прекрасно, какъ ей теперь кажется въ упоеніи.

— Куда же вы? — удивлялись къ скій дамы.

— Анна Павловна, куда же вы это, милачка?

— Голова заболѣла, — говорилъ за жену акціоній.

Выѣдя изъ клуба, супруги до самого дома шли молча. Акціоній шелъ сзади жены и, глядя на ея согнувшуюся, убитую горемъ и униженную фигуру, припомнѣлъ блаженство, которое такъ раздражало его въ клубѣ, сознаніе, что блаженства уже неѣть, напомнило его душу побѣдѣть на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство...

Акціонію стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жить вовсе не такъ прекрасно, какъ ей теперь кажется въ упоеніи.

вали какъ птичка, плоска эта жизнь, когда вѣтъ идешь въ потемкахъ по улицѣ и слышишь, какъ всхлипываетъ подъ ногами грыз, и когда знаешь, что проснешься завтра утромъ — и опять ничего, кроме водки и карти! О, какъ это ужасно!

А Анна Павловна едва шла... Она была все еще подъ впечатлѣніемъ танцевъ, музыки, разговоровъ, блеска, шума; она шла и спрашивала себя: за что ее покаралъ такъ Господь? Было ей горько, обидно и душно отъ непріятности, съ которой она прислушивалась къ тяжелымъ шагамъ мужа. Она молчала и старалась придумать какое-нибудь самое бранное, юдкое и ядовитое слово, чтобы пустить его мужу, и иѣ то же времѧ мозговъ сознанія, что ея акціоніаго не прѣмѣнѣи никакими словами. Что ему слово? Безпомощнѣе состоянія не могъ бы придумать и злѣйшій врагъ.

А музыка между тѣмъ гремѣла, и потемки были полны самыхъ плясовыхъ, зажигательныхъ звуковъ.

Антонъ Чеховъ.

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ ФРАНЦЪ-ЮСИФУ ВЪ ОЛЬМЮЦѢ.

2 декабря городъ Ольмюцъ праздновалъ пятидесятилѣтій юбилей императора торжественнымъ открытиемъ памятника, который возвышается на четырехъ угольномъ основаніи въ 7 метровъ ширинѣ и 6,9 метр. вышины. На этомъ плато устроены два восемнадцати ступеней, на которыхъ, собственно, поглядывалъ на акціоніаго. Она поднялась и отошла отъ мужемъ въ сторону.

— Что ты выдумаешь? — начала она. — Зачѣмъ мнѣ домой? Вѣдь еще рано!

— Я прошу тебя идти домой! — сказалъ акціоній страстнѣйской танцевальной.

— Зачѣмъ? Развѣ что случилось! — встревожилась Анна Павловна.

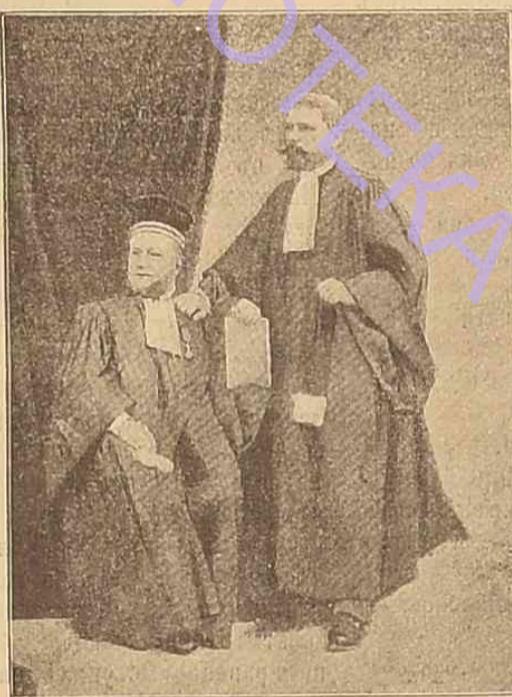
Эмиль Зола и генераль Даву, канцлеръ
Почетнаго Легіона.

Эстергази и полков. Шварцкоппенъ.

Прессанзе и Цурлинденъ.

Дельгоргъ и Лэбори.

Буадеффъ и Панициарди.

Дрюмонъ и Рейнакъ.

Локруа и Вервортъ.

Генералъ Пеллье и Бернаръ-Лазарь.

«Ложныя фотографіи «Siecle»-я.